PG3476
.C493
S54
1928

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3476
.C493
S54
1928

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00007933123

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/skvozdikirastikh00chuk

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

СКВОЗЬ ДИКИЙ РАЙ

ИЗД-ВО ПИСАТЕЛЕЙ
В ЛЕНИНГРАДЕ
1928

oe188

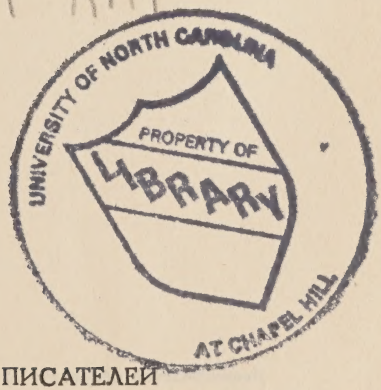
ll
c PG3476
.C493
S54
1928

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

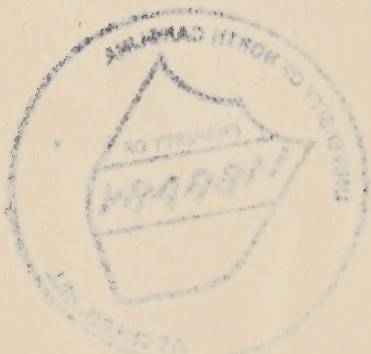
СКВОЗЬ ДИКИЙ РАЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

SKVOZ' DIKII RAI



ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
В ЛЕНИНГРАДЕ — 1928



Ленинградский Областлит № 52541. Тираж 1000—4 л. Зак. 438

Гос. тип. им. Евг. Соколовой, пр. Красн. Командиров, 29.

Сквозь дикий рай твоей земли родной!

„Пир во время чумы“.

Солнце горит на проборе,
На рукаве, на щеке,
Мир отразился во взоре
Словно в глубокой реке.

Вижу: вздымаются груды
Моха, щепы и камней,
Тихо колышутся чуды
Переплетенных ветвей.

Выше, в лазурь над ветвями!
Выше, в кружение птиц!
Выше! и небо и пламя
Хлынули из-под ресниц.

Я не спрошу в удивленьи:
Что ты увидела там? —
Жизни простое значенье,
Знаю, открылось очам.

Снова черны долы,
Снова твердь ясна,
Снова гул веселый
Нам несет весна.
Солнце расплескало
Золото лучей,
И светло и ало
В комнате моей.

Так немного надо:
Думать, петь, бродить,
А уж сердце радо
Верить и забыть.
А уже спросонок
Я к окну приник,
И как в детстве звонок
Петушиный крик.

1923

А вот уж дождь на солнце блещет.
По рельсам, крышам и лугам
Бежит и бьет, бежит и плещет,
Пурпурный, на площадку к нам.

Но нет, ей как в былые годы
Уже со мной не отдохнуть,
Холодной прелестью природы
Уж ей меня не обмануть.

Напрасно льет она на кручи
Огонь и синь все эти дни,
Напрасно гонит звезды, тучи,
Вагоны, сосны и огни.

Нет, больше я не очарован
Ее неверной красотой,
Я просто так: разбит, взволнован
Гремучей влагой дождевой.

Вечер. Жаркий запах хлеба,
Тлеет душная земля.
Птицы сыплют песни с неба
В потемневшие поля.

Огневая! Золотая!
Что ты щуришь серый глаз?
В сон меня неслышно клонит,
Звезды падают, мерцая,
И стреноженные кони
Шумно прыгают от нас.

Лечь на девичьи колени
И глядеть в родную высь.
Синий каплет свет — и тени
Поднялись и унеслись.

Покидают птицы гнезда,
Простирают крылья к нам,
И, гудя, взлетают звезды
По большим, большим кругам.

Мне любовь твоя понятна
В этот тихий час, когда—
Раздается звон далекий,
Деревенские стада
В темноте идут обратно,
И шумит, шумит вода
В темных зарослях осоки.

1922

Засыпает сторож в будке,
Петухи кричат.
То не ангелы, то утки
Над водой летят.

Что ж, не все дела напрасны,
Если так еще
Крыши сини, губы красны,
Ночи светлы и прекрасны,
Сердце горячо.

Добрый друг, довольно плакать.
Право, веселей
Птицей петь, лягушкой квакать
Посреди полей.

Если ж слишком ты тоскуешь —
Ветром полети.
Жарче звезды ты раздуешь,
Крепче землю поцелуешь
На моем пути.

1922

Уходит ночь. Сырой туман редеет.
Бесшумно дышат темные суда.
Петух кричит. Над нами шпиль светлеет,
Светлеют камни, ветви и вода.

Мелькнут стрижи, крылами струй касаясь,
Надводную прорезывая муть,
И вдруг взлетят, кружась и уменьшаясь,
Как лодочки в тумане потонуть.

И мир очам предстал безлюдным раем.
И снова верю я, что мы с тобой
Один обет, один обряд свершаем
С огромным солнцем, с теплою землей.

Ты шепчешь листами, ты дышишь
звездами,
Ты в крыши заходишь луной сребролукой,
Ты солнцем всплываешь по синим
полянам,
Ты плещешь тяжелым лучом сквозь
гардины,
Ты гомоном птичьим меня пробуждаешь,—
Тебя узнаю я в той музыке мира,
Которой связуется все бытие.

Но листья поблекнут и звезды померкнут,
Когда ты войдешь и посмотришь, и
сядешь
За стол мой широкий, и мне улыбнешься.
Я стану смотреть в твои синие очи,
И думать о счастьи, и слушать, как
бьется
Живое, земное, горячее сердце
О тленную, но дорогую мне ткань.

На девичьих черных кудрях — тюбетейка,
Раскрыт полушалок, чтоб сердцу вольней,
Да говор московский, — ты помнишь,
еврейка,
О дальней отчизне твоей и моей?

Улыбка древней той томительной ночи,
Что первый изгнанный из рая познал,
Не эти ли губы, не эти ли очи
Я там, у Ливана, уже целовал?

Родиться и плод принести. Через годы
Вели тебя к нам огневые столбы,
И вот пред тобой расступились народы,
Лишенные высшего блага — судьбы.

И я, беспокойный и злой отщепенец,
С той мутью, что тщетно мы кровью
зовем,
Ловлю твое сердце, как ловит младенец
Сосцы материнские жаждущим ртом.

Налей меня доброю млечной струею,
И я, приобщенный, по знойной пыли,
Подруга, я тенью пойду за тобою
По пастбищам обетованной земли.

1922

———

Л. Арнштаму.

Что ж! О торжественном и вечном
Поют немногие у нас,
О преходящем и беспечном
И шопот уст и пламень глаз.

Но, странных полон впечатлений,
Все сердцем неспокоен я.
Средь постоянных наблюдений
Течет простая жизнь моя.

И вижу я: земля тучнее
Из часа в час, из года в год,
И слышу я: громчей, звончее
Над ней пернатый хор поет.

Пышней струят благоуханья
Темнозеленые леса,
Сменяя звезд и зорь сиянье,
Пылают ярче небеса.

И даже в бурю и в ненастье
Так дождь шумит, так валит снег,
Как-будто музыке подвластен
Их прежде безразличный бег.

И жду: мгновенье оборвется,
Подует ветер, грянет гром,
И мир внезапно обернется
Прекрасным девичьим лицом.

И было, я помню, ей много дано:
И пыль, и песок, и гранит,
Пучина морская по самое дно,
И небо по самый зенит.

Шумливый ли дождик бежал по лугам,
Луны ли всплывыла ладья,
Пустынная ночь ли текла по горам, —
Я знал: то невеста моя.

Она и в лесу, и в полях, и в реке
Была неразлучна со мной,
То веточкой малой ласкалась к щеке,
То ветром, то теплой волной.

Но ныне и воды ее не шумят,
И рощи ее не цветут,
И звезды ее на меня не глядят,
И птицы ее не поют.

Ну что ж! Если ночь и тревога опять,
Не бойся, я справлюсь один.
Тебе — новоселье, мне — сесть на кровать
И думать, и жечь керосин.

Вершинами машут
Над нами высокие ели,
Над удочкой нашей
Гудят золотистые шмели.

А озеро дышит
Волною и все отражает,
Все льет и колышет
И все в глубине совмещает.

Средь шумного луга
Как весело быть мне с тобою,
Простая подруга
С веселою птичьей душою.

Без мысли, без цели
Живешь и как влага мелькаешь,
Но берег и ели,
И небо в себе отражаешь.

Уж раздаются крики досужих петухов,
Стада в поля выходят под песни пастухов,
На посветлевшем небе и в глубине реки
Тихонько замирают и гаснут огоньки.
И солнышко сгоняет унылый пар с долин,
Где все проистекает от явственных причин.

Душа! А ты не сетуй, что так заведено:
Бессмыслица иль мудрость — не все-ль
тебе равно,
Когда над этим миром дрожишь, как
нянька, ты
И рада задыхаться от этой красоты.

Солнце вниз ползет, и пылко
Пламенеют тополя,
Сыплет грохот молотилка
В обожженные поля.

Это было от Одессы
Верст за восемьдесят, там
Лица пыльны и белесы,
Бродят овцы по холмам.

И опять лететь степями,
Чтобы мчались версты, дни,
Ночи с душными звездами,
Рельсы, будки и огни.

Я везу любовь и вести
В наши дальние края,
Из краев, где жили вместе
Целый месяц — мир да я.

Из страны волов понурых,
Морем веющих ночей,
Скал коричневых и бурых,
Яхт, кузнечиков, стрижей;

Убегающих каштанов,
Черноморских диких роз;
Из страны цикад, баштанов, —
В просо, рожь, в ячмень, в овес.

А кругом шумит беседа.
И под медленную речь
Говорливого соседа
У окна на лавку лечь.

Лечь и видеть, засыпая,
Степь да редкое жилье,
И проснуться, повторяя
Имя милое твое.

1923

Ты ливня внезапней и бури свирепей,
О, южная ночь, я тебя узнаю.
Как-будто табун, застилающий степи,
Бежит, в колокольцах, на запад, на юг.

Но здесь твои лошади взнузданы. Взбешен
Табун и взлетает под скрежет удил —
От глины долин, от татарских черешен —
В румяное небо, где дуб и кизил.

И вот на вершинах бледнеют пожары,
И черные гривы на скалах растут,
И с горьким блеяньем овечьи отары
От жестких копыт лошадиных бегут.

А я у воды, где трещит бестревожно,
Победно и звонко кузнечиков рать,
Где в камешках шепчется море, и можно
Звезду, словно краба, рукою поймать.

И дышит прерывисто над мирозданьем
Всей шерстью степной кобылицы живот,
Чуть слышно закат свою песенку тянет,
А где он ту песню — бог весть, допоет.

1924

Она — телеграфистка,
Беспутный мальчик — он,
Их познакомил близко
Запыленный вагон.

Они остановились
В проезжем городке,
В гостиницу явились
Вдвоем — рука в руке.

Легли, заночевали,
А утром пили чай,
И снова их помчали
Вагоны в дальний край.

Но вот пришла разлука,
Плеща вино свое,
За банями мелькает
Веселый бант ее.

Ему — таить усталость,
Летя своим путем,
А ей — дитя осталось
На память о былом.

1925

Ты в запертой квартире
С ребенком на подоле
Сидишь одна, одна.
Уж веет ветер шире,
Выходит вечер в поле
И сине у окна.

И голосом протяжным
Поешь, и как угроза
Звучит напев простой.
В зрачке большом и влажном
Дрожат обойный розан
И гвоздик золотой.

Весь день метались тучи,
Вчера я видел море,
Леса шумят давно.
Кипучий и гремучий
Весь мир с тобою в хоре
Распелся заодно.

Я тихо отпер двери.
И вот стою, внимая,
Как ты поешь, грустя,
Самой себе не веря,
Сама себя не зная,
Чтоб слушало дитя.

1926

Предчувствую бурю, и холод, и ночь,
Предчувствую: смерти нельзя превозмочь.
Но тайн беспокойным умом не ищу
И сердце тревожить свое не хочу, —
Покуда шумит по оврагам поток,
И тучен суглинок, и жарок песок,
Покуда текут небеса над землей
То звездною влагой, то теплой зарей.

Да, видимый, пахнущий, слышный,
Ползущий из трещин и дыр,
Плодится и ширится пышный
И мною возлюбленный мир.

Я тело, как сеть, погружаю
В горячее море листвы,
И сердце свое сопрягаю
С дыханьем камней и травы.

В эту ночь горячее дышала Нева,
Громче в сучьях кричали грачи,
Жарче звезды сияли, и камни трава
Раздвигала, и пели ручьи.

Было жутко немного и весело нам.
Теплым ветром шумя широко,
Эта ночь пробежала по сонным домам
Слишком быстро и слишком легко.

И когда опустился рассвет, озаря
Утомленные лица друзей,
Расцветающий ворох садов, якоря,
Камни, волны, верхи кораблей, —

„Дай мне руку на счастье, — сказал я тебе: —
Как в той песне, ты помнишь, поют,
Чтоб легко было нам в нашей общей судьбе
Так итти, как другие идут.

„Чтоб нетрудно нам было прожить меж людьми,
Чтоб судьба принесла забытье,
Чтобы нас, от любви тяжелеющих, мир
Крепче принял в устройство свое".

Хочешь туда, куда чинным не велен
Путь, где по пажитям рвется ручей?
Хочешь, — прорежешь и солнце и зелень
Мглою волос и ресниц, и очей!

Или туда, где кривой, низкорослый
Пьет березняк до бесчувствия, где
Папоротник прошлогодний и сосны,
Перевернувшись, хохочут в воде?

А когда спустится мгла — не твоя ли? —
Хочешь — не хочешь, с собой позови.
Знаю, ты будешь играть на рояли
До полуночи, до слез, до любви.

И, золотого хлебнувши дурману,
Весь упоенный, а слушать невмочь,
Выйду я и протрезвею, и кану
В зведную, в злую, в весеннюю ночь.

Ты раскрыла рояль. На лице голубом,
словно пена,
Алый теплится свет.
Нет ни бога у нас, ни отчизны, ни снов,
ни вселенной,
Ни сомнений, ни бед;

Ни сиреневых улиц, ни хруста шагов,
ни простора,
Увенчавшего сад,
Ни кружащихся птиц, заслонивших зарю,
от которой
Эти окна горят;

Ни огромных ресниц, ни объятий (а память?
а жалость?),
Ни любви, ни стыда.
Ни рождалось, ни пело, ни жгло, ни цвело,
ни свершалось
Ничего никогда.

Ничего никогда, — только дикие хищные
звуки,
Населившие дом.
Ничего никогда, — только бледные узкие
руки,
По костяшкам поющие об умираньи моем.

1927

Фонари качают воздух,
Тихий плеск воды,
Утопают кроны в звездах,
Но темны сады.

Стонет пристань. На канатах,
На мешках с мукой,
Все скользит теней крылатых
Голубиный рой.

Вот оно застыло счастье,
Напряглось, молчит,
От смущения и страсти
Серый глаз дрожит.

Вот оно! Я вновь свободен,
Вновь смеюсь и лгу,
Дикий свист на пароходе,
И бегу, бегу.

КОЗЛЕНОК

Наконец опустилось солнце,
И оранжевыми стали нивы,
И смотреть на огненные сосны
Нестерпимо человеческому взору.
На крыльцо выходит крестьянка,
Вся объята пламенем буйным,
По ступенькам идет сановито
И торжественно смотрит на небо.
Но, гляди, и сосны потемнели,
И поля над темною рекою
Синим колыхаются дымом,
Только облака еще пылают.

Я стоять не могу, я знаю,
Что настало счастливое время,
И надо итти на свиданье.
Засыпают быки на соломе
И встают бычки молодые,
Бьют себя хвостами по бедрам,
Широко раздувают ноздри
И подходят к сонным коровам.
Я беру тяжелую палку,
Прохожу мосток над оврагом,
И иду меж берез высоких
По синим вечерним нивам.

Ой, березынки, вы, березы!

Крепкий запах стоит над полем,
Проезжают возы с навозом,
Освещают цыгарки лица,
Все мне кланяются поочередно
И безмолвно проходят мимо.

Ой, березынки, вы, березы!

Вот кирпичные ворота парка,
Я иду по дубовой аллее,
Что зовется „Аллеей признаний".
Если ты присмотришься лучше,
Ты во мраке увидишь пары.
Они прячутся за дубами
И глядят на тебя тревожно.
Но я потупляю взоры
И скромно смотрю на землю.
Никогда не мешай влюбленным.
Пусть целуются под воротами,
За забором, за твоей спиною.
Лучше сам поищи подругу.

Наконец я пришел в селенье.
Как здесь утром бывает шумно!
Мельница паровая
Целый день стучит без перерыва
И погромыхивает молотилка.
По дороге возы проезжают,
Полон воздух мучною пылью,
Ходят люди в белых одеждах
И усы у них белые тоже.

Но сейчас все тихо. Над домами,
Как новое светило неба,
Крест горит между звезд и веток
Стороной, обращенной на запад.
На дворе она меня встречает
В широкой братниной куртке,
Стоит и смотрит на дорогу.
„Здравствуй, — говорит она, — Коля,
А я вышла ловить козленка,
Никак его в хлев не загонишь".
И глаза на землю опускает.
И что вышла она навстречу,
Никогда она мне не скажет,
Таковы уж девичьи нравы.
Но, действительно, есть козленок.
Неуклюжий, с длинными ногами,
Он забился далеко в угол
И глядит на меня безучастно.
Если ты подойдешь к нему слева —
Он направо через корыто.
Если ты подойдешь к нему справа —
Он налево, через крылечко.

Но теперь врагов у него двое:
Мы с обеих сторон подходим.
Вот он тихо идет вдоль стенок,
Еле ножками перебирает
И кивает в такт головою.
Я совсем уж над ним нагнулся,
Но он вздернул нежданно задом,
Обдал пылью меня и сором,
И под самой моей рукою
Проскользнул и помчался в поле.
По роще скачет козленок,
Мнет копытом сухую бруснику,
Белым пухом мелькает в ложбине,
По холмам, по кустам, по дорогам,
Перепрыгивает канавы,
Переваливается через заборы.
Он бежит большими кругами,
Я ему наперерез, и почти что
Наскакиваю на него с разбега,
Но он поворачивается направо,
И я пролетаю мимо.

Встает луна из-за леса,
По полям шатаются тени,
И как снегом покрыты деревья
Ее изумительным светом.
Все поэты любят ее равно,
Но по-разному ее называют.
Тот зовет медведицей огромной,
Что шатается по синим крышам;
Тот зовет ее пятиалтынным,
Вдавленным в небесные своды.
Но мне кажется: луна над нами —
Мудрый глаз, управляющий миром.
Если он устанет немного, —
Опускается большое веко,
Только серп блестит из-под века
Над ночною нашей землею.
Но лишь только он замечает
Пушки, прячущиеся за холмами,
Корабли, заблудившиеся в море,
Или нас, счастливых влюбленных,
Бегущих за белым козленком, —
Подымает он тяжелое веко
И глядит, глядит неустанно.

Не поймать мне белого козленка,
И мы с нею садимся рядом.
Старый дом склонился над нами,
И осколки выбитых стекол
Лунным поблескивают светом.
Дрожат голубые звезды,
И огромные лунные духи
Машут крыльями над землею,
Воспевают сотворение мира.
И горошиной земля взлетает
В золотое небесное сито,
Не минуты проходят, не годы,
А столетья и тысячелетья.

И вдруг снова, смотрю, — козленок.
Подошел он и мягкою мордой
Тычет меня в колени.
„До свиданья“,—говорю я тихо.
И она отвечает:— „До завтра“, —
И уходит с белым козленком.
Теплый ветер дует с востока,
И я чувствую над собою
Колыханье незримых дубов.

1922

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Солнце горит на проборе 7
Снова черны долы 8
А вот уж дождь на солнце блещет 9
Вечер. Жаркий запах хлеба 10
Засыпает сторож в будке 12
Уходит ночь. Сырой туман редеет 13
Ты шепчешь листами, ты дышишь звездами . 14
На девичьих черных кудрях — тюбетейка . . 16
Что ж! О торжественном и вечном 18
И было, я помню, ей много дано 20
Вершинами машут 22
Уж раздаются крики досужих петухов 23
Солнце вниз ползет и пылко 24
Ты ливня внезапней и бури свирепей 26
Она — телеграфистка 28
Ты в запертой квартире 30

Предчувствую бурю, и холод, и ночь 32
Да, видимый, пахнущий, слышный 33
В эту ночь горячее дышала Нева 34
Хочешь туда, куда чинным не велен 36
Ты раскрыла рояль. На лице голубом, словно пена 38
Фонари качают воздух 40

КОЗЛЕНОК 41

5
02142/688
17764/88

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Ленинград, внутри Гостиного Двора № 55
Издательство „Техника и Производство"

70 коп.

№ 5

HECKMAN
BINDERY INC.
MAY 90
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
0000793312 3